

У ВОЙНЫ НЕ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО

На моем столе лежит фотография. Девушка в нарядном летнем платье прислонилась к бронетранспортеру. На обратной стороне подпись: «Баграм, весна 1984 года». Фотография на память о войне... Но и без того память об Афганистане, о той бессмысленной и жестокой войне, у Валентины Васильевны Семеновой, завуча ПТУ № 34, никогда не исчезнет из сердца. Потому что Афганистан стал частью каждого, воевавшего там... Сегодня мы публикуем ее рассказ о тех днях.

Сейчас, когда о войне в Афганистане мы начинаем узнавать правду, очень трудно понять: почему я, женщина, поехала туда не по приказу, а добровольно! А тогда, в 83-м, все было вполне объяснимо. Пропаганда усиленно вбивала нам в головы, что это «интернациональный долг», что нужна помощь прогрессивным силам республики построить справедливое общество, что надо дать отпор реакци, что с помощью наших войск афганцы строят новую жизнь. Ну как было не откликнуться на эти призывы? Тем более что усиленно внушали: война уже кончилась, а короткие афганские репортажи Центрального телевидения показывали идиллические картинки мирной жизни. Что там происходило в действительности — представить было невозможно. Даже в Ташкенте, в аэропорту, когда мы встретились с ребятами-«афганцами», возвращавшимися из отпуска, я они, пьяные, мрачные, тоскливые, рассказывали о тамошней войне — не поверила. Мне «театр военных действий» представлялся именно театром. Вот пар-

тер, вот зрители, а вот сцена, где из бутфорского оружия идет ленивая перестрелка.

И вот Кабул. Для начала пришлось пройти все унижение «невольничьего рынка», где нас, прилетевших из Союза женщин, выбирали, как товар. Я ехала работать заведующей общежитием. Но предложили идти в официантки. — Простите, — говорю, — тарелки подносить не обучена, я педагог.

Свое удивление «торговец» скрыть не мог. Брови его удивленно поползли вверх, готовое вырваться бранное слово застряло в горле.

— Ну-ну, качай права, — и, развернувшись на каблуках, ушел.

А я отправилась в штаб «качать права». Ребята, присутствующие при этой сцене, объяснили, как добраться до штаба, и посоветовали:

— На афганскую барбухайку не садись. Увезут куда-нибудь.

В штабе меня определили библиотечарем в мотострелковый дивизион, дислоцирующийся в Баграме. Добиралась до него самостоятельно. Что это значит, несведущим

понять трудно. Бегала с тяжелыми вещами по вертодрому, упрасивала пилотов. Наконец сжалились, взяли на борт. Первую ночь на афганской земле ночевала в комнате боевой славы. Какой почет! Знамена, боевое оружие и доска с фотографиями ребят, погибших при исполнении интернационального долга. Я вглядывалась в эти лица — совсем юные и чуть постарше. И с ужасом думала, а вдруг наткнусь на лицо моего бывшего ученика? Ведь до приезда сюда я преподавала в училище.

Начались будни. Я все еще свято верила, что выполняю интернациональный долг. В библиотеке моей читателей было немного. Бывало, что прочитанные книги ребята не успевали вернуть, погибали. Их формуляры я откладывала отдельно.

Условия существования были жуткие. Во-первых, неистовое солнце. Оно отупляло, доводило до изменения. Да вдобавок ветер-афганец, от которого тоже невозможно спастись. Он нес столбы песка. Песок был везде: на одежде, на зубах, на хлебе. Мне до сих пор кажется, что он хрустит у меня на зубах, этот пропитанный кровью наших ребят, афганский песок.

Но самое нестерпимое — мысль о том, что гибнут люди — каждую минуту, каждый час, что не застрахована от этого и ты. В дивизионе у всех разные обязанности, разные условия, только право на смерть было у всех одинаково.

Я часто заходила в палатки к нашим солдатам. У них-то это право было преимущественным. Хотелось хоть как-то отвлечь от постоян-

ных мыслей об ужасах войны. Что-то рассказывала о литературе, вызывала на какие-то очень мирные разговоры.

Многим офицерам было непонятно: как так, ее волнует, как живут ребята? А может, она тут по заданию особого отдела что-то вынюхивает? Человеческие отношения были не в почете. Только страх, боль, жестокость и отчаяние. И в ослеплении жестокостью многим было невдомек, что для меня эти ребята — несостоявшиеся ученики, которым уготовлена другая участь — стать пушечным мясом.

Баграм, по афганским понятиям, место относительно спокойное. Это не Джалалабад, где каждый день гибли и гибли люди. Но однажды мы проснулись от криков. Кто-то отчаянно колотил в двери нашего модуля.

— Женщины, выходите на улицу. Дивизию окружили.

Выскочили, стоим, прижавшись к стене. Громздное огненное зарево охватило все вокруг. В районе вертолетной площадки взрываются бомбосклады, шпартат минометы, где-то рядом загорелось и рухнуло здание. Огоньки трасирующих пуль, казалось, летели прямо в наши лица. Суэта, неразбериха, паника и растерянность. Мы не знали, сколько человек осталось в полку: батальон? два? Ведь буквально накануне наши ушли на панджшерскую

операцию. Где-то рядом чей-то голос скомандовал:

— Женщины, заряжайте магазины патронами.

Кому команда? Нам, растерянно жавшимся к ненадежной стене модуля?

Нашим вертолетчикам все же удалось прорваться сквозь стену огня к своим машинам и подняться в воздух. Они выпустили осветительные ракеты, открыли огонь по противнику. Вслед забухала наша артиллерия, застрочили автоматы. К утру все стихло. Сколько людей погибло в ту ночь, мы, конечно, не узнали. Только «черные тюльпаны» один за другим поднимались с вертолетной площадки. В цинковых гробах наше молодое поколение возвращалось на Родину, десятки из тех 15 тысяч погибших в Афганистане.

А вскоре еще более ужасная весть потрясла полк. Во время панджшерской операции полностью погиб наш батальон. В живых остались только два человека. Два из 120. Им удалось скоротиться за трупом ослика, подорвавшегося на mine. Я не знаю причины их гибели. То ли пошли не той тропой, то ли подорвались на собственном минном поле, то ли их окружили вышколенные, отлично умеющие убивать людей, части наемников. Наш-то солдат такими умениями не обладал. Прибывали в часть после двухмесячной подготовки в учебке. Этот конвейер был отлажен хорошо. Два месяца теории — и пополняй ряды, занимая места выбывших.

Наверное, тогда передо мной впервые встал вопрос: зачем мы здесь? Кто послал наших ребят на эту бойню? И что за долг такой мы платим Афганистану тысячами жизней?

Во время операции в Панджшерском ущелье были ранены и мои друзья, ребята, с которыми очень часто задавали себе эти вопросы. О том, что ранен командир саперной роты Саша Каркадола, мне сказали ребята.

— Лежит здесь, в госпитале.

Я помчалась. Сашка был хорошим командиром. Он, пожалуй, немногий из знакомых мне офицеров, относился к солдатам, как к людям. В роте всегда порядок, «дедовщину» пресекал, уважал в человеке человека. И за это уважали его. Он первый шел на минные поля, оберегая новобранцев, старался удерживать в их неопытности от неверного, а для саперов — последнего шага.

Он лежал на госпитальной койке, страшный, неузнаваемый, с черным от взрыва лицом. Только глаза чуть реагировали на свет.

— Кто здесь, — прошептал непослушными губами. Маска боли выступила на лице.

— Саша, это я приехала.

— Сказали, что я без ног? Откинь одеяло, — почти закричал он. И тут же застонал.

— Сашка, целы ноги, целы! Я радовалась так, что его изуродованное лицо дрогнуло в улыбку и перестало казаться страшным.

— Сергей ранен. Он в Кабуле. Найди его, — попросил Каркадола.

Сергей Палатайка, друг и правая рука ротного, подорвался, когда разминировал дорогу. Только одно неосторожное движение сделал он — и все. Взрыв в лицо, ранение в обе ноги. Его должны были отправить в Союз на лечение.

— Поддержи Сережку, ему трудно.

В Кабул отправилась на попутке. Шофер, остановившись у госпиталя, дал двадцать минут.

— А то ищи другой транспорт.

Палаты переполнены. Опасливо пробиралась между ранеными, боясь причинить боль. Палатайка сам окликнул меня. Я его, конечно, не узнала бы. Лица не было, сплошная черная короста.

— Я очень страшный? — это был первый вопрос.

— Нет, Сережа, все нормально, — отвечаю.

— Успокаиваешь, — попытался усмехнуться он. — Как ты думаешь, жена теперь меня бросит, такого красивого да безногот?

Жена его не бросила. Живут сейчас в Ленинграде. Сергей, полуслепой, учится в университете, на философском факультете. Растет ребенок. И недавно, в телефонном разговоре, Палатайка мне признался:

— Валя, ты была права, моей женой можно гордиться.

Я не знаю, как я дождалась отпуска. Уже в самолете, когда он пересек границу и мы вздохнули с облегчением, что нас не сбили, думала, асфальт буду целовать. Родной асфальт. Но эта возможность предоставилась не сразу. Пограничник придирчиво перетряхнул весь мой багаж и обнаружил завалившуюся в косметичку афганскую листовку. Мне притащили ее ребята.

— Видела «духову» грамоту?

Я, конечно, не видела и с любопытством разглядывала арабские буквы. Куда засунула — не помнила, да просто значения не придала. Но униженный из-за нее нахлебалась досьета. Меня затолкали за решетку, устроили допрос:

— Зачем везешь? Кому? Кто дал? Намереваешься использовать ее для перехода в Пакистан?

И так далее, до бесконечности.

Клялась и божилась, что по забывчивости она оказалась в моем багаже, что и интересовала она меня. Филолога, только как образец почерка, и что не нужен мне ни Пакистан, ни Америка, когда у меня есть Родина, моя, единственная, куда я так рвалась и сердцем, и мыслями. Меня не слышали. И только вечером отпустили на волю, когда наш самолет на Москву уже ушел. А девочки, которые летели со мной, сидели на том самом асфальте, который мы собирались целовать, возле чемоданов и терпеливо ждали, когда последняя препрада перед возвращением на Родину будет преодо-

лена. Утром прилетели в Ленинград. И на вопрос таксиста, куда едем? — не сговариваясь, закричали: в молочный магазин. После суровой диеты: консервов в томатном соусе и турнепса с подсолнечным маслом, молоко было самым желанным продуктом.

Мне повезло: тогда, на таможне, в моем багаже не обнаружили пленку с записями афганских песен. Их тоже считали «контрабандой», эти песни о войне, и безжалостно изымали. Эта пленка для меня самый дорогой военный трофей. На ней до сих пор звучат голоса ребят, вернувшихся и не вернувшихся с той позорной войны.

Слушаю, вспоминаю, думаю, пытаюсь представить, чем занимаются сейчас те, кто живы, зажили ли раны, нашли ли место в этой жизни, кончилась ли для них война?

И больше всего на свете желаю сегодняшним своим ученикам мира, добра. Желаю, чтобы больше никто не смог на «тайной вечерке» рощерком пера поставить на карту их жизни.

Рассказ записала
А. МЕЛЬНИКОВА.